

Литягина Алла Владимировна

ДУХОВЕНСТВО И ГОРОЖАНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В статье рассматриваются особенности духовного сословия в городах Западной Сибири, их статуса и материального положения, сложности выполнения священниками их специфических функций в среде православного и неправославного населения в связи с падением интереса у людей к исполнению религиозных обрядов. Уделяется внимание расколу во взглядах духовенства относительно возможности участия священников в светских мероприятиях. Анализируются социальные отношения духовенства и западно-сибирских горожан в эпоху модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.), сделан вывод о критическом отношении к церковнослужителям со стороны значительной части городского общества, охваченного светскими просвещением и культурой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 130-133. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(571)081/083

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются особенности духовного сословия в городах Западной Сибири, их статуса и материального положения, сложности выполнения священниками их специфических функций в среде православного и неправославного населения в связи с падением интереса у людей к исполнению религиозных обрядов. Уделяется внимание расколу во взглядах духовенства относительно возможности участия священников в светских мероприятиях. Анализируются социальные отношения духовенства и западно-сибирских горожан в эпоху модернизации (вторая половина XIX – начало XX в.), сделан вывод о критическом отношении к церковнослужителям со стороны значительной части городского общества, охваченного светскими просвещением и культурой.

Ключевые слова и фразы: Россия; Западная Сибирь; Церковь; духовенство и горожане.

Литягина Алла Владимировна, к.и.н., доцент

Алтайская государственная академия образования им. В. М. Шукшина

alityagina@yandex.ru

**ДУХОВЕНСТВО И ГОРОЖАНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

Во второй половине XIX – начале XX в. одной из самых небольших по численности населения категорий горожан Западной Сибири являлось духовенство. Особенности этого сословия предопределялись его тесной связью с церковно-монастырской системой страны, эволюцией церковного, канонического права как законодательной основы существования духовного сословия, а также зависимостью Церкви от самодержавной власти. На протяжении всего рассматриваемого периода служители культа являлись привилегированным сословием, хотя и уступавшим дворянству по объему этих привилегий. Сохранялась определенная исключительность юридического статуса духовного сословия как в отношении обладания правами, так и некоторого ограничения их, обусловленная каноническим правом [7, с. 49-69]. В 50-е гг. XIX в. в 14 западно-сибирских городах насчитывалось 1610 представителей духовенства или 1,89% городского населения [19, с. 30-31]. В дальнейшем с ростом численности городского населения и особенно в связи с проведенной в 1867 г. реформой, по которой отменялись наследственные права на церковные места, и указом 1869 г., исключавшим звонарей, церковных сторожей, сверхштатных псаломщиков и всех взрослых детей, а также вдов клириков из духовного ведомства [21, с. 390], численность лиц этого сословия и его удельный вес в составе городских жителей стали ещё меньше. В результате этой реформы в духовном сословии остались лишь лица, состоявшие на действительной церковной службе, их жены и несовершеннолетние дети, а также учащиеся духовных школ.

Священнослужители должны были являться духовными руководителями и наставниками народа Божия [Там же, с. 378]. Поэтому кандидаты священства обязаны отличались глубиной и крепостью веры, высокими нравственными качествами, безупречной репутацией. Правила запрещали клирикам пьянство и азартные игры, участвовать в ряде светских развлечений, поднимать руку на человека, даже провинившегося, налагали серьезные ограничения, связанные с семейной жизнью, запрещали многие занятия и профессии [Там же, с. 383-384]. Церковнослужители обязаны были также придерживаться определённого внешнего вида и одежды.

В комплексе весь набор юридического положения сословия, его специфических функций и правил деятельности выделяли духовников в городской среде, противопоставляли, можно сказать, во многих случаях светской жизни.

В данной статье нами ставится цель выявить отношение к духовенству и к выполнению священниками их особой, духовной роли среди мирян со стороны представителей других городских сословий и социальных групп в период трансформации сибирского общества из традиционного в индустриальное.

В эпоху модернизации положение духовенства в городской среде усугублялось противоречивыми процессами распространения светской культуры и досуга, коммерциализации жизни, ростом просвещения. Состояние духовного сословия, деятельность священников, их взаимоотношения с обществом и государством в дореволюционную эпоху – эти вопросы в 2000-е гг. активно исследуются отечественными историками, вызывают у учёных обоснованный интерес своей неизученностью и актуальностью [2].

Нами в опубликованной работе показано, что во второй половине XIX – начале XX в. в западно-сибирских городах Церковь была охвачена системным кризисом, связанным с проблемами самодержавной власти [14, с. 151-153]. Такой показатель религиозности населения, как обрядность, выполнение священных таинств прихожанами, снижался, что говорило о росте равнодушия у православного населения к выполнению церковных обрядов. Однако значение церковнослужителей в жизни горожан всё ещё было велико. Их особый статус, обусловленный законами Российской империи, сохранялся.

Священники, помимо совершения богослужений и треб, «законоучительствовали», т.е. преподавали Закон Божий в различных учебных заведениях, являлись членами педагогических комитетов, различных

общественных организаций (обществ трезвости, обществ вспомоществования недостаточным учащимся школ и училищ и т.п.). Батюшки, искренне и честно исполнявшие свой служебный и общественный долг, пользовались большим авторитетом в народе, почитались паствой.

Однако эпоха модернизации порождала и коллизии в социальных отношениях духовенства и горожан.

В 1913 г. конфликт между духовенством и представителями интеллигенции г. Бийска отразился в прессе через публикацию враждующих сторон в «Томских епархиальных ведомостях» и газете «Алтай». Священник И. Акулов жаловался, что местные деятели Церкви, стремящиеся участвовать в борьбе за трезвость в работе обществ трезвости, «нередко встречают враждебное отношение со стороны так называемого либерального общества» [20, с. 240]. Народные чтения в Бийске, сообщил он, «ведутся без всякого участия законоучителей министерских школ, но зато с участием театралов. Когда в комиссии по устройству народных чтений учащими министерских школ был поднят вопрос о привлечении священников к участию в народных чтениях, то большинство из присутствующих там категорически высказались против всякого участия — огов» [Там же, с. 241]. Священник обвинял местную «прогрессивную часть общества» в том, что оно вместо отвлечения народа от пьянства устроило и продолжает устраивать «враждебный противопастырский поход». «Что ни чтение — непременно встретите несколько номеров, посвящённых поповству, вроде поэмы — Кому живётся весело, вольготно на Руси», которую читает один лицедей, или пушкинской чепухи — попе и работнике его балде» или — Нездолечимый» Успенского и т.д.» [Там же, с. 242]. На страницах прессы развернулась полемика. В адрес членов общества попечения о начальном образовании поступали обвинения в недостаточной серьезности проводимых мероприятий, в чрезмерном использовании музыкальных сопровождений и номеров. Участники чтений не соглашались с такой оценкой. Подполковник А. Калачев написал письмо в газету «Алтай», где категорично отрицал правильность суждений священника [1].

В начале XX в. служители церкви сами становились участниками светской жизни, на что консистория порой реагировала весьма негативно. Представители церкви становились посетителями и участниками различных светских мероприятий. В Тобольскую консисторию доходили слухи «о неблагоповедении кое-кого из тюменского духовенства, о посещении дяконами Тюмени спектаклей, концертов и кинематографов» и даже об участии одного из священников в концертах [6, д. 1066, л. 18 об.]. Последнее обстоятельство было подвергнуто расследованию. Благочинный тюменских церквей признал, что посещение кинематографа среди тюменского духовенства считается делом обычным [Там же, л. 19]. Один из священников, о. Миртов, оказался поклонником музыкального творчества, сам принимал участие в духовных и светских концертах, ходил на концерты заезжих певцов и музыкантов (капеллы Заводского и Славянской, тенора Давыдова, скрипача Думчева) [Там же, л. 21]. Духовный суд отправил священника в Абалакский монастырь на отбывание епитимии [Там же, л. 22 об.]. Строгое наказание последовало не только потому, что священник посещал светские культурные мероприятия и участвовал в них, а также по причине дерзкого, на взгляд архипастыря, признания в этом и утверждения, что ничего противонаравственного в эстетических наслаждениях нет. Документ о деле о. Миртова, на наш взгляд, примечателен изложенным собственным взглядом одного из представителей тюменского духовенства на отношение к светским мероприятиям. Эмоциональный объяснительный текст о. Миртова свидетельствует о сложности службы священников, которым запрещено было их духовным начальством проводить свой досуг светски, а также о том, что значительное число священников всё же нарушало этот запрет. В среде духовенства, таким образом, существовали разногласия насчёт возможности посещения светских мероприятий духовными лицами и участия в них, и репрессивные меры вряд ли, на наш взгляд, спасали прочность консервативных порядков церкви и её устойчивое положение в социуме в эпоху модернизации.

Положение церковнослужителей осложнялось их скудным материальным обеспечением, особенно в небольших сибирских городах. Нами отмечалось уже, что в условиях низкого материального обеспечения священники вынуждены были в значительной мере заботиться о собственном пропитании, а не отдавать все свои помыслы и деяния духовной службе [14, с. 155-156]. Ю. М. Гончаров также пишет о «страдательном» материальном положении белого духовенства в западно-сибирских городах [4, с. 64]. М. В. Никулин приводит свидетельства иерея Тверской епархии отца Иоанна Беллюстина о том, что именно бедность и унижение священников толкает их на вымогательство со своих прихожан, и отсюда Беллюстин делает печальный вывод, что «священника ненавидят именно за поборы, а ненавидя священника... неблагоприятно смотрят и на саму религию» [17, с. 95]. И хотя данный источник относится территориально к Европейской России, мы склонны считать, что подобные негативные обстоятельства, связанные с недостаточным материальным обеспечением церковнослужителей, имели место и в Сибири. М. В. Никулин приводит и суждения других священнослужителей, свидетельствующих о падении авторитета духовных лиц в реальной жизни и попытке поиска путей морального возвышения священников над мирянами, создания теплоты и душевности в отношениях с паствой [Там же, с. 99-100]. А. И. Конюченко, изучив духовенство Российских губерний, пришёл к выводу о том, что данное сословие «в силу ряда причин оказалось дезориентированным в сложной, быстро меняющейся обстановке трансформационного перехода, сопряжённого с секуляризационной составляющей» [11, с. 45]. Непростые социальные взаимоотношения горожан с духовенством в западно-сибирских городах, случаи конфронтации и непочтительности к священникам подтверждают этот вывод.

Мы писали о сибирских старообрядцах как особом крыле православия, о том, что численность раскольников в западно-сибирских городах была различной, но, однако, почти нигде не достигала и 2% [13, с. 120]. Русская Православная Церковь должна была бороться с расколом, заниматься «увещанием» раскольников, склонять к отказу их от старой веры и к переходу под лоно официальной Церкви и принятия новых, по реформе Никона,

порядков веры и обрядности. Священникам это было весьма трудно сделать. Об отношении старообрядцев к православному духовенству видно из мемуаров П. Ф. Кочнева, мать у которого была из раскольников. Он писал, что когда он собрался учиться, то мать и отец наотрез отказались его вести в училище: «Ко всем присутственным местам и к официальным лицам, начиная от полицейского будочника и кончая самыми высшими чинами администрации, они относились с большой боязнью, недоверием и ненавистью. Мать также относилась и к попам, так как была староверка. А попы в то время имели большую силу и власть, обирали старообрядцев и издевались над ними всевозможными способами под видом привлечения их к православию» [12, с. 46].

Помимо православного населения, в западно-сибирских городах имелось заметное число иноверцев: иудеев, мусульман, католиков. Для мигрантских этнических сообществ в Сибири жизнедеятельность концентрировалась в значительной мере вокруг конфессиональных институтов: костелов, кирх, синагог. И. В. Нам отмечает, что в крупных городах и административных центрах Сибири открывались церкви практически всех традиционных для России конфессий [16, с. 318]. Так, уже в первой половине XIX в. католические храмы имелись в Томске, Тобольске и в городах Восточной Сибири (Иркутске, Красноярске). Позже костелы открываются в Омске, Тюмени, Новониколаевске, Каинске, Барнауле [8, с. 773]. Л. В. Кальмина отмечает формирование собственных поведенческих стереотипов у каждой этно-конфессиональной группы в результате конфессиональной жизни в «чужом» регионе [9, с. 199]. Автор указывает на чёткое ограничение конфессионального пространства у поляков и перечисляет причины их явного дистанцирования от сибиряков: надежда на возвращение на родину, с которой у них имелась неразрывная эмоциональная связь, отсутствие установочной ориентации на инкорпорацию в сибирское общество, в котором они не рассчитывали быть полностью принятыми. В итоге «они ощущали себя чужеродным элементом, пестующим свой замкнутый мир и —конфессиональную непорочность» и предпочитающим статус маргинала возможности получения гражданских прав, если для последнего надо было отказаться от ценностей, определяющих идентичность» [Там же]. Однако со временем и в польско-католической среде начинают действовать те же процессы, что и в других конфессиональных сообществах: взгляды трансформируются [Там же], центр общественной жизнедеятельности меньшинств перемещается от религиозных учреждений к культурно-просветительским организациям и обществам, которые брали на себя часть функций, принадлежавших ранее Церкви [16, с. 354-355].

В литературе отмечаются факты слабой обрядности в среде иудеев. Так, Ю. Островский писал, что «сибирский еврей не набожен: он редко ходит в —мошетью», торгует по субботам, а некоторые — даже и по праздникам, если последние совпадают с базарными днями, постов он также не соблюдает» [18, с. 26]. В исследовании Ю. Мучник также отмечается, что к началу XX в. в большинстве своем сибирские евреи субботы не соблюдали так же, как и другие заповеди. Мало кто из них знал иврит и идиш [15, с. 58]. Ю. М. Гончаров описал последовательное становление и развитие религиозной жизни еврейских общин в городах Западной Сибири в XIX — начале XX в. [5]. Деревянные синагоги в некоторых сибирских городах существовали уже во второй половине XIX в. Затем, в начале XX в. их строительство активизируется, они появляются уже во многих городах Западной Сибири [Там же, с. 92-93]. Однако в плане религиозности и обрядности иудеи, думается, были близки к православным. Стоит согласиться с В. П. Ключевой, что обстоятельства жизни в Сибири сильно повлияли на характер и ментальность переселенцев. В газетной публикации, отрывок из которой цитирует исследовательница, говорится: «Еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыне была пробита заметная брешь» [10, с. 23].

Думается, что природа людская такова, что религиозное сознание и конфессиональная обрядность зачастую могут не совпадать по масштабам своих проявлений; одно не обязательно влечет за собой в полном объеме другое; поступки, дела, помыслы и устремления, соответствующие православным нормам нравственности, могут иметь место при игнорировании личностью повседневной религиозной обрядности. И наоборот, усердное исполнение обрядов может сочетаться с отсутствием в жизнедеятельности человека ориентации на вечные ценности.

У церковнослужителей в рассматриваемое время в регионе была масса нерешённых, мешающих плодотворной работе с паствой, проблем. Одна из них — повышение образовательного уровня священнослужителей. В монографии нами показано, что городская общественность была озабочена состоянием образовательной сферы для подготовки священников в Сибири, уровнем, квалификацией кадров священнослужителей и выступала за немедленное улучшение их качества [14, с. 154-155].

Таким образом, у духовенства западно-сибирских городов в рассматриваемое время существовало множество вопросов, которые были насущными и требовали немедленного решения (материальное обеспечение церковнослужителей и храмов, повышение образовательного уровня священников, выработка адекватных мер по отношению к светской жизни и участия священников в ней и т.д.).

Модернизационные реалии не могли не осложнять социальные взаимоотношения духовенства и горожан. Первые у населения справедливо ассоциировались с институтом храма, оказавшегося в глубоком кризисе. Церковники оценивались значительной частью просвещённого населения как консервативная сила, противостоящая прогрессу, образованию, светской жизни и культуре. Низкий образовательный и культурный уровень многих священнослужителей, их неидеальные личностные качества, не всегда корректное поведение по отношению к прихожанам вызывали непонимание у значительной части населения. Активная, иногда даже чрезмерно активная, деятельность священников по привлечению в православную веру и соблюдению обрядности вызывала нередко отрицательное отношение к духовенству старообрядцев и иноверцев. Священнослужители оказывались заложниками, с одной стороны, кризисного положения того социального

института, которому они служили, с другой стороны, не всегда соответствующего требованиям времени своего образовательного и культурного уровня. Горожане, в ментальности которых была склонность преклоняться перед святостью и святыми [3, с. 336]¹, далеко не все преклонялись перед священниками, наблюдая в их поведении проявления обычной, несовершенной человеческой природы и испытывая на себе несправедливое социальное устройство, принуждающее к определённой духовной практике.

Список литературы

1. Алтай. 1913. 28 мая.
2. **Безгин В. Б., Лисюнин В.** Церковь, государство, общество в эпоху модернизации: проблемы взаимоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23). Ч. 1. С. 225-229.
3. **Бердяев Н. А.** Судьба России. М. – Харьков: ЭКСМО-Пресс; Фолио, 1998. 736 с.
4. **Гончаров Ю. М.** Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4. Ч. 1. С. 63-66.
5. **Гончаров Ю. М.** Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул: Аз Бука, 2005.
6. **Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив г. Тобольска» (ГУТО «ГАТ»).** Ф. 156. Оп. 18.
7. **Иванова Н. А., Желтова В. П.** Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 2004. 572 с.
8. **Историческая энциклопедия Сибири.** Новосибирск, 2009. Т. 2. К-Р.
9. **Кальмина Л. В.** Конфессиональные меньшинства Сибири на рубеже XIX – начала XX в.: региональные стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2. / под ред. В. А. Скубневского. С. 193-204.
10. **Клюева В. П.** Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...»: из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень, 2004.
11. **Конюченко А. И.** Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дисс. ... д.и.н. Челябинск, 2006. 49 с.
12. **Кочнев П. Ф.** Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 388 с.
13. **Литягина А. В.** Уровень религиозности старообрядцев Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (5). С. 118-123.
14. **Литягина А. В.** Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 331 с.
15. **Мучник Ю.** Религиозная жизнь евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии) // Диаспоры. 1999. № 1.
16. **Нам И. В.** Исторические особенности формирования и деятельности диаспоральных институтов в Сибири (XIX – начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири: рубежи XIX-XX вв. и XX-XXI вв. / науч. ред. В. И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 315-356.
17. **Никулин М. В.** Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х – конец 1870-х гг.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006. 288 с.
18. **Островский Ю.** Сибирские евреи. СПб., 1911.
19. **Статистические таблицы городов Российской империи.** СПб., 1852.
20. **Томские епархиальные ведомости.** 1913. № 4.
21. **Цыпин В.** Духовенство // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-научный мир «Православная энциклопедия», 2008. Т. XVI. С. 374-390.

CLERGY AND TOWNSPEOPLE OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Lityagina Alla Vladimirovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Altai State Academy of Education named after V. M. Shukshin
alityagina@yandex.ru

The author considers the features of the clergy in the cities of Western Siberia, their status and financial situation, the complexity of specific functions implementation by clergymen in the environment of Orthodox and non-Orthodox population due to the loss of people's interest to religious rites performance, pays attention to the split in the clergy views on the possibility of clergymen's participation in secular activities, analyzes the social relations of the clergy and the Western Siberian townspeople in the era of modernization (the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century), and comes to the conclusion about a critical attitude toward clergymen from the large part of urban society involved in secular education and culture.

Key words and phrases: Russia; Western Siberia; Church; clergy and townspeople.

¹ Известный мыслитель Н. А. Бердяев писал об особой роли святости на Руси: «Русь... бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания... Русский человек поклоняется святым и святости, с ними связывает свою последнюю любовь, возлагается на святых, на их заступничество и предстательство, спасается тем, что русская земля имеет так много святых» [3, с. 336]. Действительно, ушедшие от мирского старцы, монахи, святые всегда имели огромный авторитет у нашего народа. Это отражалось и в художественной литературе (вспомним известного старца из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).